

Расул Гамзатов

Молитва

«Эпоха»

2010

Гамзатов Р. Г.

Молитва / Р. Г. Гамзатов — «Эпоха», 2010

Все творчество народного поэта Дагестана Расула Гамзатова – это молитва, страстная мольба о Родине, о любви, о счастье людей. В этот сборник великого поэта вошли избранные философские и лирические произведения.

© Гамзатов Р. Г., 2010

© Эпоха, 2010

Содержание

Молитва горца	6
Цадинское кладбище	10
«Жизнь прожита. Былого не вернуть...»	12
Пленительных женщин и храбрых мужчин	13
Старые горцы	14
Мой Дагестан	16
Клятва сыновей	17
Проклятие	19
Горцы	21
Прощание с аулом чиркей	22
У очага	24
Молитва	25
Матери	26
Звезды	27
«Ночей и дней все нарастает бег...»	28
«Когда бы был Корану я обучен...»	29
«Всеми свой срок приходит»	30
«Мне жаль, что, как отец, я не владею...»	31
«О, шансов мы не упускаем...»	33
«Равнодушно пройти не дают...»	34
«Мать люльку качает в ауле...»	35
Двадцатый век	36
Магнитные дни	38
«Не сейчас я угас, не сейчас...»	39
«Вдруг грохот смолк. Я онемел...»	40
«Мне ль тебе, Дагестан мой былинный...»	41
«Покарай меня, край мой нагорный...»	42
Я – дагестана пес сторожевой	44
«На протяжении долгих-долгих лет...»	45
Здесь на вершинах	46
Таинственность	48
«В подлунном мире тысячи красот...»	50
Истины ради	51
Годы	52
Открыл я книгу вековую	53
«Чтобы рвануться в схватку, у мужчины...»	55
Пять ворот	56
«Воочью, так горцы считали...»	57
Берегите друзей	58
Покуда вертится земля	59
«К дальним звездам, в небесную роздымь...»	61
У Максобского моста	62
Родной язык	63
«Ловчий голову клонит понуро...»	65
Горцам, переселяющимся с гор	66
«Говорят, что посмертно...»	68

«Моей земли не умирают люди...»	69
«Когда мы шли в далекие края...»	70
Кровь и слезы	71
«Всему я на свете...»	72
У Цумадинской реки	73
«Мой старший брат, солдат, а не наиб...»	75
«Свои стихи читать мне странно...»	76
«Мстить прошлому, – круша надгробья?...»	77
«Я жив...»	78
Мое пожелание	79
Стихи о времени	81
«Все, что в нас хорошего бывает...»	84
Раздумье	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Расул Гамзатов

Молитва

Молитва горца

Перевод Я. Козловского

Слышна мольба:
«Меня и остальных
Спаси, судьба, от помыслов дурных.
Возвысь мой дух, в надежде не покинь
И ниспошли мне мужество!
Аминь!

Да будет весть отрадна для меня,
А честь дороже злата и коня.
И все как есть испей, не половинь,
Отзывчива душа моя!
Аминь!

Да сбудется все доброе, что мне
Минувшей ночью виделось во сне,
Но станет явь пусть горькой, как полынь,
Коль поступлюсь я истиной!
Аминь!

Да обернется святостью мой грех,
И впредь да буду утверждать при всех,
Что нет для поклонения богинь
Достойнее возлюбленной.
Аминь!

Будь к миру милосердною, судьба,
И солнцем лишь его касайся лба,
И память укрепи в нем. И отринь
Войну от человечества.
Аминь!

* * *

Пусть там, где в ущельях клубятся туманы,
Нас юные девы и старые раны
Собой украшают.
Аминь!

Безмолвно беседуют с небом вершины,
Где в пору страды и сражений мужчины
Пусть не оплошают.
Аминь!

С годами становятся взрослыми дети —
И пусть, хоть пребудут столетье на свете,
Все ж молоды будут. Аминь!
Пусть день, когда друг не вошел в наши двери,
Уходит, отмеченный знаком потери
В селении всяком.
Аминь!

И пусть у того разлетятся ворота,
Кто гостя без должного встретил почета.
Вам вспомнился кто-то?
Аминь!

* * *

О господи, пускай лишится чина
Тот муж, что не почтил простолюдина
И рядовым окажется.
Аминь!

Пусть проведен глупцом однажды будет,
Кто о себе как о премудром судит.
И посмеемся мы над ним.
Аминь!

* * *

Когда начнет сам таять, как свеча,
Кто сыну приобрел диплом врача,
О господи,
пускай, как ни перечит
Больной отец,
его наследник лечит.
И хворому, там, где звучит латынь,
Ты помогать не торопись.
Аминь!

* * *

Пускай того не чтят родные дети,
Кто теще не отказывал в привете,
А мать родную забывал.
Аминь!

Пусть безымянным к отчему порогу
Вернется тот, кто, выходя в дорогу,
На кличку имя променял.
Аминь!

Любовницей,
в годах он или молод,
Пусть будет голым выдворен на холод,
Кто с нею изменял жене.
Аминь!

* * *

Пускай ишак лягнет в уста того,
Кто клеветал на друга своего.
Всяк клеветник скотина есть.
Аминь!

Кто на словах был храбр, о небеса,
Сбежит пусть от залавшего пса,
И весть о том всех обойдет.
Аминь!

* * *

Покаюсь, если чьих-то слез
Я стал виной.
Аминь!
А кто обиду мне нанес,
Пусть кается!
Аминь!

Да будет в жизни счастлив тот,
Кто сердцу мил.
Аминь!

И счастлив тот, кто в свой черед
Нас полюбил.
Аминь!

Цадинское кладбище

Перевод Н. Гребнева

Цадинское кладбище... В саванах белых,
Соседи, лежите вы, скрытые тьмой
Вернулся домой я из дальних пределов,
Вы близко, но вам не вернуться домой.

В ауле осталось друзей маловато,
В ауле моем поредела родня...
Племянница – девочка старшего брата,
Сегодня и ты не встречала меня.

Что стало с тобой – беззаботной, веселой?
Года над тобою текут как вода.
Вчера твои сверстницы кончили школу,
А ты пятиклассницей будешь всегда.

И мне показалось нелепым и странным,
Что в этом краю, где вокруг никого,
Зурна моего земляка Бияслана
Послышалась вдруг у могилы его.

И бубен дружка его Абусамата
Послышался вновь, как в далекие дни,
И мне показалось опять, как когда-то,
На свадьбе соседа гуляют они.

Нет... Здесь обитатели не из шумливых,
Кого ни зови, не ответят на зов...
Цадинское кладбище – край молчаливых,
Последняя сакля моих земляков.

Растешь ты, свои расширяешь границы,
Теснее надгробьям твоим что ни год.
Я знаю, в пределах твоих поселиться
Мне тоже когда-нибудь время придет.

Сходиться, куда б ни вели нас дороги,
В конечном итоге нам здесь суждено.
Но здесь из цадинцев не вижу я многих,
Хоть знаю, что нет их на свете давно.

Солдат молодых и седых ветеранов
Не дома настигла крошечная тьма.
Где ты похоронен, Исхак Биясланов.

Где ты, мой товарищ, Гаджи-Магома?

Где вы, дорогие погибшие братья?
Я знаю, не встретиться нам никогда.
Но ваших могил не могу отыскать я
На кладбище в нашем ауле Цада.

На поле далеком сердца вам пробило,
На поле далеком вам руки свело...
Цадинское кладбище, как ты могилы,
Могилы свои далеко занесло!

И нынче в краях, и холодных, и жарких,
Где солнце печет и метели метут,
С любовью к могилам твоим не аварки
Приносят цветы и на землю кладут.

«Жизнь прожита. Былого не вернуть...»

Перевод В. Коркина

Жизнь прожита. Былого не вернуть.
А все ж вглядеться в то былое
Нам Бог велит.
О Патимат, наш путь
Предсказан был единою судьбою.

Казниться лицемерно хуже лжи.
Списать грехи на юность – грех умножить.
Пусть прилюдно каются ханжи.
Не пощажу себя наедине с тобой, о Боже!

Как я устал... Какой в душе разброд!
Мой смех вчерашний обернулся плачем.
Вокруг глаза взыскующих сирот...
Зачем свой взор от взора их я прячу?

Не думал, что за все расплата ждет:
За суету, за глупые раздоры?
Сам виноват.
Как тяжек жизни гнет...
Как высоки и благородны горы!

Пленительных женщин и храбрых мужчин

Перевод Я. Козловского

Наверное, поздно близ белых вершин
Явился я в мир, чьи распахнуты шири:
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Уже не пришлось мне застать в этом мире.

Я рано, наверно, над бездной годин
Под желтой луною седлал иноходца,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Увидеть не мне, а другим доведется.

А может, мой предок – вожатый дружин
Завидует мне, что, далекий раздору,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Я больше встречаю, чем он в свою пору.

И, может, грядущего времени сын
Тому позавидует, что под луною
Знавал я немало друживших со мною
Пленительных женщин и храбрых мужчин.

Старые горцы

Перевод Я. Козловского

Они в горах живут высоко,
С времен пророка ли, бог весть,
И выше всех вершин Востока
Считают собственную честь.

И никому не сбить их с толка,
Такая зоркость им дана,
Что на любого глянут только —
И уж видна его цена.

И перед боем горцам старым
От века ясно наперед,
Кто выстоит, подобно скалам,
Кто на колени упадет.

И ложь почувствуют тотчас же,
Из чьих бы уст она ни шла,
Какой бы хитрой, и тончайшей,
И золоченой ни была.

В горах старик седоголовый,
Что ходит в шубе круглый год,
Так подковать умеет слово,
Что в мир пословица войдет.

О, горцы старые!
Не раз им
Еще народ воздаст хвалу.
Служил советчиком их разум
И полководцу и послу.

Порою всадник не из местных
Вдали коня пришпорит чуть,
А старикам уже известно,
Зачем в аул он держит путь.

Какой обременен задачей,
Легка она иль нелегка,
Посватать девушку ли скачет
Или наведать кунака.

Был Камалил Башир из Чоха
Ребенком маленьким,

когда
Старик предрек:
«Он кончит плохо,
И многих горцев ждет беда.

Их дочерей и женщин скоро
Красавец этот уведет.
Спасая горцев от позора,
Родной отец его убьет...»

Когда над верхнею губою
У Шамиля белел пушок
И босоногою гурьбою
Шамиль командовать лишь мог,
Сказал о нем еще в ту пору
Старик гимринский как-то раз:
«Дымиться он заставит порох,
И будет гром на весь Кавказ!»

Старик, услышавший в ауле
Стихи Махмуда в первый раз,
Сказал:
«Он примет смерть от пули
Из-за красивых женских глаз...»

Душой робея, жду смущенно,
Что скажут на мои стихи
Не критики в статьях ученых,
А в горских саклях старики.

Они горды не от гордыни,
И знаю: им секрет открыт,
О чем в обуглившейся сини
Звезда с звездой говорит.

Они горды не от гордыни.
Путь уступая их коню,
Я в гору еду ли, с горы ли,
Пред ними голову клоню.

Мой Дагестан

Перевод Н. Гребнева

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый, с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
«Не край ли далекий тебе полюбился?»

На гору взошел я и с той высоты,
Всей грудью вздохнув, Дагестану ответил:
«Немало краев повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете.

Я, может, в любви тебе редко клянусь,
Не ново любить, но и клясться не ново,
Я молча люблю, потому что боюсь:
Поблекнет стократ повторенное слово.

И если тебе всякий сын этих мест,
Крича, как глашатай, в любви будет клясться,
То каменным скалам твоим надоест
И слушать, и эхом вдали отзываться.

Когда утопал ты в слезах и крови,
Твои сыновья, говорившие мало,
Шли на смерть, и клятвой в сыновней любви
Звучала жестокая песня кинжала.

И после, когда затихали бои,
Тебе, Дагестан мой, в любви настоящей
Клялись молчаливые дети твои
Стучащей киркой и косою звенящей.

Веками учил ты и всех и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.

И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых».

Клятва сыновей

Перевод Я. Козловского

С головами поникшими
Над отцами погибшими
Встали мы.

Над легендой повитыми
Их могильными плитами
Встали мы.

Им, как будто бы мысленно,
Тихо мы и не выпрenne
Говорим:

«Листья вашего дерева,
А не серая тень его —
Это мы!

Эхо вашего голоса,
Зерна вашего колоса —
Это мы!

Битв минувших не отблески,
А законные отпрыски —
Это мы!

Меж годами посредники,
Вашей славы наследники —
Это мы!

Всех имен ваших словники,
Ваших кровников кровники —
Это мы!

Ваших помыслов вестники,
Вашей правды наместники —
Это мы!

Ваших давних наветчиков
Превратили в ответчиков —
Это мы!

Продолжение повести
Вашей чести и совести —
Это мы!

Ваших судеб защитники,
Не лохматые битники —
Это мы!

Ваших дум воплощение
И грехов отпущение —
Это мы!

Верность вашим обличиям,
Верность вашим обычаям —
Мы храним!

Верность вашему воинству
И мужскому достоинству —
Мы храним!

Верность вашему мужеству
И великому дружеству —
Мы храним!

Верность вашей душевности
И святой вашей верности —
Мы храним!

Сами ставшие взрослыми,
Вам клянемся мы веснами,
Светом собственных глаз

И огнем над метелями,
Хлебом и колыбелями —
Быть достойными вас!»

Проклятие

Перевод Я. Козловского

Проклятье бурдюку дырявому,
В котором не хранят вино,
Проклятие кинжалу ржавому
И ржавым ножам заодно.

Проклятие стиху холодному,
Негреющему башлыку,
Проклятье вертелу свободному,
Нежарящемуся шашлыку!

Проклятье тем, кто и понятия
Иметь о чести не привык,
Проклятие, мое проклятие
Унизившим родной язык.

Тому проклятье, в ком прозрения
Не знала совесть на веку.
Пусть примет тот мое презрение,
Кто дверь не отпер кунаку.

Будь проклято в любом облиции
Мне ненавистное вранье.
Забывшим горские обычаи
Презренье горское мое!

Будь проклят, кто на древе замысла
Боится света, как сова,
И тот, кто клятвенные запросто
Бросает на ветер слова.

В кавказца, как бы он ни каялся,
Проклятьем выстрелю в упор,
Когда бы он начальству кланялся,
А не вершинам отчих гор.

Будь проклят, кто забыл о матери
Иль в дом отца принес позор.
Будь проклят тот, кто невнимателен
К печали собственных сестер.

Проклятье лбу, тупому, медному,
И тем, кто лести варит мед,
Проклятие юнцу надменному,

Что перед старцем не встает.

Проклятье трусу в дни обычные,
Проклятье дважды – на войне.
Вам, алчные, вам, безразличные,
Проклятье с трусом наравне.

Мне все народы очень нравятся.
И трижды будет проклят тот,
Кто вздумает,
кто попытается
Чернить какой-нибудь народ.

Да будет проклят друг,
которого
Не дозовешься в час беды!
И проклят голос петь готового
В любом кругу на все лады!

Горцы

Перевод Я. Козловского

Радость скрыть они умеют,
Если только это надо.
Скорбь и горе не унижат:
Не затмят слезами взгляда.
И в душе их даже время
Пламя страсти не остудит, —
Это гор моих высоких
Нестареющие люди.

Шире, чем донские степи,
Их сердца в теснине горной,
И под черной буркой совесть
Никогда не станет черной.
И ни песен их, ни тостов.
Кто слышал, тот не забудет, —
Это гор моих высоких
Замечательные люди.

И на дружбу верной дружбой
Сердце в каждом отзовется,
Но, в бою врага встречая,
Сталь в том сердце разольется.
Жизнь отдать они готовы,
Если только надо будет, —
Это гор моих высоких
Несгибаемые люди.

Не велик числом народ мой,
Но зато велик делами.
Кровь отдаст за каплей каплю,
Чтоб она взошла цветами.
И ему нельзя не верить,
Предан он своей отчизне
На крутых, на самых резких
Поворотах нашей жизни.

Прощание с аулом чиркей

Перевод Я. Козловского

Прощай, мой Чиркей ненаглядный,
Сородич седой высоты!
Увитый лозой виноградной,
Собою пожертвовал ты.

Стою на высокой плотине.
И передо мной в глубине
Лежишь, знаменитый поныне,
Ты, как Атлантида, на дне.

Запомнивший страсти мирские,
Расстался ты с древней молвой.
И волны сомкнулись морские
Над буйной твоей головой.

Уже мне под синью небес ты
С кувшином на правом плече
Не вышлешь навстречу невесты,
Подобной горящей свече.

И впредь на гранитном майдане
В ближайшем соседстве веков
Твоих не увижу, как ране,
Беседующих стариков.

Мне дым твой очажный был сладок.
И многое значить могло,
Что борозды каменных складок
Твое отличали чело.

Гулял я на свадьбах немало,
Мужей твоих слава и жен.
И жаль, не смогу,
как бывало,
К умершим прийти на поклон.

Прощай, погребенный Сулаком,
Чиркей мой,
чья совесть чиста.
Окрест молодая над мраком
Заря вознеслась неспроста.

Воды одержимо движенье,

Летит, как табун кобылиц.
Скользит над тобой отраженье
Несуетных царственных птиц.

И венчан ты клёкотом воли,
Что верен в горах небесам.
И я твоей жертвенной доле
Все чаще завидую сам.

У очага

Перевод Н. Гребнева

Дверцы печки растворены, угли раздуты,
И кирпич закопчен, и огонь тускловат.
Но гляжу я на пламя, и кажется, будто
Это вовсе не угли, а звезды горят.

Звезды детства горят, звезды неба родного.
Я сижу у огня, и мерещится мне,
Будто сказка отца вдруг слышалась снова,
Песня матери снова звенит в тишине.

Полночь. Гаснет огонь. Затворяю я дверцу —
Нет ни дыма, ни пламени, нет ничего.
Что ж осталось? Тепло, подступившее к сердцу,
Песня матери, сказка отца моего.

Молитва

Когда поднимешься к вершинам синим...

Перевод Н. Гребнева

Когда поднимешься к вершинам синим,
Где достают рукою небосвод,
Когда услышишь, как река в теснине
Который век все ту же песнь поет,
Когда увидишь: в небе кружит птица,
А по изгибам гор ползут стада,
Родной земле захочешь ты молиться,
Хоть не молился в жизни никогда.

Когда за далью моря корабельной
Увидишь ты, как солнца шар поблек,
И, будто в лампе десятилинейной,
Прикрутит вечер блеклый фитилек.
Когда увидишь: солнце в море тонет
И режет солнце пополам вода,
Ты склонишься в молитвенном поклоне,
Хоть ты и не молился никогда!

Увидишь ты, как пожилые люди
Сидят, свои седины теребя,
Как женщина ребенка кормит грудью, —
И в сотый раз все потрясет тебя,
И все, что на земле, что в небе синем,
Захочешь ты постичь, и вот тогда
Замолкнешь, и молитва горлом хлынет,
Хоть ты молитв не слышал никогда!

Матери

Перевод Я. Козловского

Мальчишка горский,
я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли,
и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме.
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я – пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь,
но вдруг опять
Сожмется сердце. «Неужели
Я начал маму забывать?»
А ты, с любовью, не с упреком,

Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно обронея.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

Звезды

Перевод Я. Козловского

Звезды ночи, звезды ночи
В мой заглядывают стих,
Словно очи, словно очи
Тех, кого уж нет в живых.

Слышу,
с временем не ссорясь,
В час полночной тишины:
«Будь как совесть, будь как совесть
Не вернувшихся с войны!»

Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь.

По-земному беспокоясь,
Загляну я в чей-то стих,
Словно совесть, словно совесть
Современников моих.

«Ночей и дней все нарастает бег...»

Перевод Я. Козловского

Ночей и дней все нарастает бег,
В Путь Млечный перейдет тропа земная.
Что завещать мне людям, белый снег,
Что завещать им, лошадь вороная?

Что в дар оставить: к милости призыв?
Иль зов к отмщенью, кровника достойный,
Чтоб говорили: видел сны покойный,
Под голову оружие положив?

Мы негодуем, мучаемся, любим,
Я сам себе и раб, и государь,
И, уходя, что мне оставить людям,
Связуя воедино новь и старь?

Родов ли зависть, схожую с проклятьем,
Вражду племен, коварство ли владык,
Что должен я в наследство передать им,
Покуда мой не окаменел язык?

Я не хочу, чтоб кровь лилась как ныне,
И покорялся заново Кавказ.
И кадий, необрезанный, в гордыне
Звал с минарета совершить намаз.

И, обращаясь с укоризной к веку,
Я говорю:
– Пусть тот из мусульман
Не совершит паломничества в Мекку,
Который даже не прочел Коран.

И, проникавший в роковые страсти,
Настанет час —
я упаду с седла,
Где нет числа канатоходцам власти,
Канат высок, но низменны дела.

Горит светильник, что зажжен когда-то
Моим отцом вблизи ночных отар.
И вместе со стихами —
сын Гамзата —
Его я горцам оставляю в дар.

«Когда бы был Корану я обучен...»

Перевод Я. Козловского

Когда бы был Корану я обучен
И приобщен к молитвам мусульман,
Лицо к нагорным обращая кручам,
Тебе бы я молился, Дагестан.

Но возле эмиратских минаретов,
Где путь прервал верблюжий караван,
Велением любви, а не заветов
Я за тебя молился, Дагестан.

Четверку белых лошадей окинув
И слушая притихший океан,
В лучах заката
в стане бедуинов
Я за тебя молился, Дагестан.

И видел я, но не с колен намаза,
Как вновь забрезжил несказанный свет
И, проходя по лезвию Кавказа,
На равных с небом говорил поэт.

Был за грехи ничуть не преуменьшен
Его земной пожизненный удел
Обожествлять в стихах одну из женщин
И чтить, как рай, отеческий предел.

«Всему свой срок приходит»

Перевод Я. Козловского

Всему свой срок приходит.
Под уклон
Арба моя с вершины покатилаь.
Молю, Всевышний,
окажи мне милость
Своих зимой избежать похорон.

За тем, чтоб на кладбище кунаки,
Пронизанные стужей, коченели,
И белые венчали башлыки
Их головы под вихрями метели.

Не дай, Аллах, мне умереть весной,
Чтоб, отложив любовные свиданья,
Невесты гор толпились предо мной
И черными их были одеянья.

Даруй мне тайно умереть, Аллах,
Чтоб четверо могильщиков умелых
Бестрепетно в отмерянных пределах
Земле Кавказа предали мой прах.

Осознавать отрадно будет мне,
Что друга не оставил я в кручине,
А враг не оказался на коне,
Лишившись вести о моей кончине.

Пусть спутники уверовают в то,
Что я заснул под дождик колыбельный
И вскоре догоню их на плато
Иль в каменной теснине сопредельной.

И бороду седую шевеля,
Старик промолвит, глядя на вершину:
– Я видел сам: в священную Медину
Ушел Расул проведать Шамиля.

И, улыбаясь, скажет обо мне
Правдивая красавица аула:
– Я нынче ночью нашего Расула
Среди поэтов видела во сне.

«Мне жаль, что, как отец, я не владею...»

Перевод В. Коркина

Мне жаль, что, как отец, я не владею
Божественным Корана языком.
Отец, тебя я на Коран беднее,
Хоть средь людей не числюсь бедняком.

Муллою с детства не был я обучен
Молитвам предков. Не моя вина.
Зато иные я познал созвучья.
Иные имена и письма.

Великий Пушкин. «Чудное мгновенье!..»
«Я вас люблю...» Я, как в бреду, шептал.
В тот миг к его живому вдохновенью,
Как к роднику, губами припадал.

Прости, отец, что я сказать посмею:
«Как жаль, что ты не повстречался с ним!
Грущу, что ты на Пушкина беднее.
О, как бы он тобою был любим!»

Мне зависть незнакома. Но, пожалуй,
Прав, утверждая это, не совсем:
Признаться, тоже завидно бывало,
Когда, увы, я был, как камень, нем.

Когда? О, часто! Гостем безъязыким
По свету шляться много довелось.
Но в мире есть один язык великий —
Поэзия!
Ты с ним – желанный гость.

Понятен он и юноше и старцу,
Когда Любовь поет, забыв про все.
Шекспир, Петрарка, Гёте...
Мне, аварцу,
Ты новым братом стал, мудрец Басё.

Поэзия – Любовь. Иной причины
Искать гармоний, верь, в природе нет.
Незримо сходит Бог в тот час с вершины,
Когда Он слышит, что поет Поэт...

Но стережет нас светопреставленье —

Зубовный скрежет, дикий вой и рык.
На мир упало умопомрачение:
Язык войной поднялся на язык.

Вражду смирить ничто теперь не в силах.
Бог удалился, оскорбленный, прочь.
А ты, Поэт? Удел твой – на могилах
Рыдать без слов, не зная чем помочь.

Нет, о любви ты петь уже не сможешь.
Хоть и минует черная вражда.
Убито сердце. Зря лишь растревожишь.
В нем счастье не воскреснет никогда.

...Иной поэт придет невесть откуда,
Мальчишка, шалопай, кудрявый бес.
На языке Махмуда и Неруды
Споет Любовь.
И Бог сойдет с небес.
А что потом – неужто все по кругу?..

«О, шансов мы не упускаем...»

Перевод В. Коркина

О, шансов мы не упускаем
Плывать минувшему вослед...
А песнь иль злобу завещаем —
Ужель о том заботы нет?

Мостов порушенных обломки —
Наш путь. Он скорбен был и крут...
Дай Бог надежду, что потомки —
Где ложь, где правда – разберут.

«Равнодушно пройти не дают...»

Перевод В. Коркина

Равнодушно пройти не дают
Мне могил безымянных надгробья.
Что печаль моя? – Прихотей зуд.
Что тоска моя? – Стона подобье.

Шелестит на могиле трава.
Что пред вечным безмолвием стою?
Моя слава? – Слова, все слова.
Мой талант? – Словоблудье пустое.

«Мать люльку качает в ауле...»

Перевод Я. Козловского

Мать люльку качает в ауле,
А где-то под желтой луной
Свистят ненасытные пули,
И вспать не вернуть ни одной.

Звучит колыбельная ночи,
И где-то парит Азраил,
У ангела смерти нет мочи
Сложить своих аспидных крыл.

И мать одержима любовью,
А где-то родившийся день
Встает над дымящейся кровью,
Бросая багровую тень.

И грудь обнажила над сыном
Горянка в ауле опять.
И где-то бредет по руинам
От горя безумная мать.

И множатся сонмы открытых,
Ощеренных рвов и траншей.
И больше на свете убитых,
Чем умерших смертью своей.
И слышится стон лазарета,
И снова палят и бомбят.
И длится трагедия эта
Тысячелетье подряд.

Но каждой своей параллелью
Мир чаёт:
придут времена,
Как женщина над колыбелью,
Склонится над ним тишина.

Двадцатый век

Перевод А. Вознесенского

Если б были чемпионаты,
Кто в веках по убийствам первый —
Ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

Если б были чемпионаты,
Кто по лжи и подлостям первый —
Ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Двадцать Первый.

Если б были чемпионаты,
Кто по подвигам первый —
Нет нам равных, мой Век Двадцатый!
Безмолвствует Двадцать Первый.

* * *

Я собственному слову не поверю,
Когда не прозвучит оно в горах,
Скитальцу в полночь не откроет двери,
В глазах ребенка не рассеет страх.

Нет, не поверю даже на мгновение,
Когда оно красавице одной
Не явится в глубоком сновиденье,
Чтоб навсегда отнять ее покой.

Я не поверю собственному слову,
Коль в колыбельной песне нет его
И коль оно для тяжелобольного
В последний час не значит ничего.

Нет, не поверю, как пустому звуку,
В котором смысла не было, и нет,
Коль на себя оно не примет муку,
Чтоб эту землю заслонить от бед.

И лишь тогда поверю бесконечно,
Когда горянки наши из Цунта
Затянут песню на родном наречье,
Гортанном, словно бурная вода.

Когда на скалах Грузии соседней
Запляшет лань, внимая голосам,
Когда за песню золотом осенним
Заплатят щедро горные леса.

Магнитные дни

Перевод Я. Козловского

Года свои проводят межи,
Но все же по иной вине
С друзьями старыми все реже
Приходится встречаться мне.

Зову друзей поднять стаканы,
Но отвечают мне они,
Что стали чувственны их раны
К магнитным бурям в наши дни.

Солдат, прославивший храбрым малым,
Что в прошлом не страшился пуль,
В отставку выйдя генералом,
Бояться стал магнитных бурь.

Одну имели мы валюту,
Одни имели паспорта,
В одну откликнуться минуту
Могли друг другу неспроста.

Но нет теперь былой державы,
И разделяют многих нас
В ней пограничные заставы,
Возникшие в недобрый час.

Гляжу: исполнен день лазури,
Но нет друзей вокруг стола.
Ужели от магнитной бури
Мне тяжесть на сердце легла?

«Не сейчас я угас, не сейчас...»

Перевод В. Коркина

Не сейчас я угас, не сейчас —
В то проклятое жизни мгновенье,
Как в конторских бумагах погряз.
Нет поэту за это прощенья.

Дар Всевышнего – песенный пыл —
Я транжирил, обнявшись с трибуной.
О свиданье легко позабыл
Я с любимой – прекрасной и юной.

С того дня много раз умирал,
Славословя в стихах лиходея,
Кто молитву мою отобрал.
С чем предстану на Высшем суде я?

Как дитя, побрякушкам был рад,
О расплате грядущей не ведал.
За сиянье фальшивых наград
Свою волю и молодость предал.

Не прошу я прощенья у вас.
Знать бы, что за грехи рассчитался.
Слез не лейте, что умер сейчас...
Неизвестно, на свет ли родился?

«Вдруг грохот смолк. Я онемел...»

Перевод В. Коркина

Вдруг грохот смолк. Я онемел,
Еще объятый пылким жаром.
Не слышать Бога – как я смел,
Глупец, предавшись жалким сварам?

Аллах отверз уста свои,
И был мне голос явлен строгий:
«За верность дружбе и любви
Тебе прощу сии пороки».

Что все, добытое тщетой:
Блага, пустое самомненье?
За чудо радости простой,
Судьба, возьми свои даренья.

И вновь весть с неба снизошла,
Меня насквозь пронзило дрожью:
«Утешен будешь, что была
Песнь у тебя, с молитвой схожа!»

«Мне ль тебе, Дагестан мой былинный...»

Перевод Н. Гребнева

Мне ль тебе, Дагестан мой былинный,
Не молиться,
Тебя ль не любить,
Мне ль в станице твоей журавлиной
Отколовшейся птицею быть?

Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.

Посвящу тебе звонкие гимны
И слова, превращенные в стих,
Только бурку лесов подари мне
И папаху вершин снеговых!

«Покарай меня, край мой нагорный...»

Перевод Я. Козловско

Покарай меня, край мой нагорный,
За измену твоей высоте.
Верил я в чей-то вымысел вздорный
И разменивал жизнь в суете.

И, кидаясь в никчемные споры,
У отцов словоблудья в чести,
Забывал, что походят на горы
Те, кого и годам не снести.

Лег на совести отблеск заката
За поступок, что был не к лицу:
Разыграв из себя дипломата,
Подав руку я раз подлецу.

Словно с горским обычаем в ссоре,
В дни иные, ленивцу под стать,
Умудрялся я ранние зори
В сновидениях поздних встречать.

Осторожным бывал и несмелым.
Обрывал не по воле строку.
И пришлось на меня виноделам
Поработать на этом веку.

Как в преддверии праздника снова
Мальчик сладостной ждет пахлавы,
Так, сластена печатного слова,
Вожделенно я ждал похвалы.

В окружении пеших и конных
Был на розовый цвет нескупой,
А униженных и оскорбленных
Я не видел, как будто слепой.

Покарай меня, край мой нагорный,
Будь со мной за грехи мои строг
И на старенькой лодке моторной
На безлюдный свежи островок.

Так ссылала седая Эллада
За грехи стихотворцев своих.
Отлучи от привычного склада

Повседневных сумятиц земных.

Ни хулы пусть не будет, ни лести,
Ты от жизни моей отруби
Кабинет с телефонами вместе
И машину с шофером Наби.

Отбери мне ненужные вещи:
Микрофон, что глядит прямо в рот,
Репродуктор, что голосом вещим
Круглосуточно что-то речет.

Повели, мой владыка нагорный,
Ты к природе приблизиться мне,
С нею, дикой и нерукотворной,
Ты оставь меня наедине.

Пусть вокруг темноликие кряжи,
Слыша волн набегающих гул,
Как бессменные, вечные стражи,
Неподкупный несут караул.

Дай мне только перо и бумагу
И над словом пророческим власть.
Я на бурку косматую лягу
И вздохну, и задумаюсь всласть.

Поступи, как седая Эллада,
И луну засвети в вышине,
Чтоб она, как ночная лампада,
Свет волшебный дарила бы мне.

И позволь, повелитель нагорный,
Чтоб из множества женщин – одна,
Вновь загадочной став и покорной,
Приплывала ко мне дотемна.

И, отмеченный милостью божью,
Как штрафник, обеленный в бою,
Возвращаясь, к твоему я подножью
Положу «Одиссею» свою.

Я – дагестана пес сторожевой

Перевод Я. Козловского

Я – Дагестана пес сторожевой,
Лишь свистнет он,
к его судьбе причастный,
Вновь вздрогну, как от раны ножевой,
И полечу на этот зов всевластный.

Его вершины, славу, письмена
Не я ли охранять давал поруку?
И впредь с любовью женщина одна
На голову мою положит руку.

И одолев в честь собственных заслуг
Я вплавь громокипящие потоки,
Несу дозор у входа в звездный круг,
Где по ночам беседуют пророки.

«На протяжении долгих-долгих лет...»

Перевод Е. Николаевской

На протяжении долгих-долгих лет
Изобразить хотел я эти скалы...
Но, видимо, мне красок не хватало, —
Я так и не напал на верный след

Великой тайны, что зовут искусством...
Но все же по уменью своему
Я разделить пытался свет и тьму,
Охваченный необоримым чувством.

И три наброска оставляю я:
Вот первый – красоты изображение...
Я верю, есть в нем сила притяженья:
Мой Дагестан родной, любовь моя.

Второй набросок: мужество, отвага,
А имя то же: гордый Дагестан.
Ночная мгла, предутренний туман,
На скалах шрамы, и без них – ни шага.

Печаль моя – вот третий мой набросок:
Еще бандиты не перевелись
У нас в горах, – твою терзают высь,
Мой Дагестан, утесы в горьких росах.

Хоть тайны мастерства не разрешу —
Всю жизнь я Дагестан изображаю,
Свою работу все не завершаю
И знаю, что ее не завершу.

Здесь на вершинах

Перевод Н. Гребнева

Мой друг, кончай пустые споры,
Смех прекрати, сотри слезу,
Быстрее поднимайся в горы,
Ты, суетящийся внизу!

Не бойся головокруженья
От высоты,
Не бойся здесь лишиться зренья
От красоты!

Быстрее поднимайся в горы,
Свои сомненья успокой,
Свобода твой раскроет ворот
Своей невидимой рукой!

Покой тебе протянет руку
И мимолетно, на ходу,
Сожмет ладонь, раздавит скуку
И с нею ложную вражду.

Замрешь, и где-то в отдаленье
Послышится негромкий хруст,
Покажутся рога олени,
Как на скале нелепый куст.

В полночный час на небо глянешь,
Достанешь пальцами луну,
Вдали непуганые лани
Запляшут под твою зурну.

Здесь все равны чины и лица,
Здесь всем достаточно наград.
Здесь человеку только птицы,
И то по неразумью, льстят.

Здесь каждый человек почтенен,
Со всеми дружен и знаком.
Здесь должен преклонять колени
Он только перед родником.

Друзья мои, кончайте споры,
Из духоты своих квартир
Быстрее поднимайтесь в горы,

Чтоб с высоты увидеть мир.

Не бойтесь здесь лишиться зренья
От красоты,
Не бойтесь головокруженья
От высоты!

Таинственность

Перевод Я. Козловского

Смеемся или хмурим брови,
Для нас в любые времена
В раздумии, в поступке, в слове
Таинственность заключена.

Не все понятно для меня,
И рад я мыслить не предвзято
О таинстве рожденья дня,
О таинстве его заката.

От века женщина полна
Таинственности,
и не скрою,
Что в силу этого она
Обожествляется порою.

Таинственность в ее глазах
И в стати, что подобна скрипке,
Таинственность в ее слезах,
Таинственность в ее улыбке.

Огонь – таинственность:
в огне
Свои черты мы наблюдаем.
И сон – таинственность:
во сне
Мы, словно ангелы, летаем.
Всегда таинственна луна,
А в дымном сумраке духана
Таится в капельке вина
Таинственность на дне стакана.

Таинственна несхожесть лиц,
И души многих поколений
Пленяет таинство страниц,
Которые оставил гений.

Во всем таинственность, во всем —
Она в любви и милосердье,
И мы таинственность несем
В рожденье, бытии и смерти.

Нам страсть познания сладка.

Ее подвластны интересу,
Приподнимаем лишь слегка
Таинственности мы завесу.

Но в мире следствий и причин,
Спускаясь в тайные глубины,
Не смог добраться ни один
До истины, до сердцевины.

Столетия таинства полны,
И не исчезнет жизнь, покуда
Есть ощущение новизны,
И удивления, и чуда.

«В подлунном мире тысячи красот...»

Перевод Я. Козловского

В подлунном мире тысячи красот,
Но мне одна из них всего дороже,
Что здравствует в отеческих местах.
Прекрасным именам потерян счет,
А у меня одно лишь только имя
Ликует, как молитва, на устах.

В подлунном мире подлецов не счесть,
Но лишь с одним из них я почему-то
Стреляться на рассвете был бы рад.
Есть тысячи лжецов, презревших честь,
Но лишь один из них меня приводит
В отчаянье не первый год подряд.

Хоть прочитал вчера я орды строк,
Из них одна запомнилась мне строчка,
Что поднялась до уровня вершин.
С календаря последний пал листок,
Ночей и дней в году немало было,
А я запомнил только час один.

На всех невежд презренья не излить,
Не хватит сердца, чтоб возненавидеть
Всех оскорбивших истину и честь.
Не хватит сердца, чтобы всех любить,
Не хватит рук, чтоб заключить в объятья
Тех, кто походит на благую весть.
Нет места на устах для всех имен,
И всех запечатлеть глаза не могут,
И в памяти всего не сохранить.
Живем, осуществляя связь времен,
Но жизни не хватает нам при этом,
Чтоб замыслы свои осуществить.

Истины ради

Перевод Я. Козловского

В зеленых горах увидал я снега
И встретил на севере вестницу юга,
В глазах у любимой заметил врага,
В глазах нелюбимой – давнишнего друга.

В дом близкий зашел я, но, совесть поправ,
Хозяин со мной за беседой ночною
Во всем соглашался, хоть был я не прав.
Кунак или враг – кто сидел предо мною?

Однажды пустое в стихах написал,
А в воздух стрелять велика ли заслуга?
И недруг об этом мне правду сказал,
И в слове его я почувствовал друга.

И ныне, с годами все чаще скорбя,
Огню предавая иные тетради,
Как недруг, порой ненавижу себя,
И в этом спасение истины ради.

Годы

Перевод Я. Козловского

Недавние и давние года
Передо мной толпятся, словно люди,
Гляжу на них и думаю о чуде:
– Еще я жив – Гамзатов из Цада!

Года, года!
Мне памятен любой,
Они друг друга свергли, как владыки.
И вот сошлись, но их не схожи лики,
Почти как наши лики, меж собой.

В числе годов есть многие года,
Которые остались дорогими
Душе моей,
но, встретившись с другими,
Печалюсь я, сгорая от стыда.

И если тех годов хотя бы день
Вернется вдруг и встанет на пороге,
Затмит мне душу аспидная тень
И вздрогну я, и сна лишусь в тревоге.

Былые вспоминаю времена,
Иные годы вправду, что вершины.
Где доблестью прославились мужчины,
Чьи нашим дням созвучны имена.
И радуюсь, и плачу оттого,
Что, с тех вершин беря свои истоки,
Летят сквозь даль пленительные строки
В пределы удивленья моего.

Недавние и давние года,
Смятенье чувств и торжество и удаль,
Смотрю на них и думаю, не чудо ль:
– Еще ты жив – Гамзатов из Цада!

Открыл я книгу вековую

Перевод Я. Козловского

Любви чреватые рубежи
Всем, от измены до коварства, —
Здесь гибли многие мужи,
Как на границе государства.

Печальной повести листы.
Открыл я книгу вековую:
Скажи мне, женщина, где ты
Была в минуту роковую?

Зачем в неведение спала,
Задув огонь оплившей свечки,
Когда два черные ствола
Нацелились у Черной речки?

Ты перед вечностью в долгу
За то, что с белыми крылами
Тогда не встала на снегу
Пред воронеными стволами.

Не ты ли в час, когда сожгла
Письмо, чей пепел сжала в горстке,
Спасти поручика могла
От глупой ссоры в Пятигорске.

И не взяла б под Машуком
Поэта ранняя могила,
Когда бы с вечера тайком
Его в объятья ты сманила.

Когда бы светом звездных глаз
Ты подсветила путь возврата,
В лесной трясине б не увяз
Горячий конь Хаджи-Мурата.

Невеста из аула Чох,
Тебя сумел я оправдать бы,
Когда б издать не просто вздох
Решилась бы во время свадьбы.

Зачем твой крик не прозвучал
И не узнали люди тут же,
Что яд подсыпан был в бокал

Эльдарилава из Ругуджа.

Верней, чем верный талисман,
Среди житейской круговерти
Спасай нас, женщина, от ран
И заблуждения и смерти.

Но пусть, страдая и любя,
Лихой достойные кончины,
Готовы будут за тебя
Собой пожертвовать мужчины.

«Чтобы рвануться в схватку, у мужчины...»

Перевод Я. Козловского

Чтобы рвануться в схватку, у мужчины
Есть только две достойные причины.
И первая: родной страны защита,
Граница чья пред недругом закрыта.

Вторая – долг, что предками завещан,
Мужчинам всем повелевает он:
Собой рискуя, защищайте женщин,
Как на дуэлях пушкинских времен.

Чтоб песню спеть, от века у мужчины
Есть только две достойные причины.
И первая: любовь к земле родимой,
Которая вошла нам в плоть и в кровь
И сделалась звездой неугасимой.
Вторая – это к женщине любовь!

Пять ворот

Перевод Я. Козловского

Если вдаль тебя позвало дело
Или держишь ты обратный путь,
На границе отчего предела
Задержаться, горец, не забудь.

То длиннее тени, то короче,
То прибрежней, то безбрежней высь,
На лиловой грани дня и ночи,
Как звезда в тумане,
задержись!

И, дорожным ветром пропыленный,
От раздумий голову клоня,
Задержись ты, пеший или конный,
Как огнепоклонник
у огня!

Совершая путь небесконечный,
С млечной далью связывая близь,
У воды, как годы, быстротечной,
Горец небеспечный,
задержись!

То отлоги тропы, то пологи,
Посмотри вперед, и оглянись,
И перед могилой у дороги
В скорби и тревоге
задержись!

Только ветер, издавая шорох,
На просторах не замедлит бег
У пяти святых ворот,
которых
Обходить не должен человек.

«Воочью, так горцы считали...»

Перевод Я. Козловского

Воочью, так горцы считали,
Нас мертвые видеть должны,
Когда у надгробий в печали
Мы с левой стоим стороны.

Гора не сойдется с горою,
Но властвует память времен,
Поэтому к мертвым порою
Живые идут на поклон.

Наверно, я был бы не в силе,
Венчая молчаньем уста,
Прийти к материнской могиле,
Будь совесть моя нечиста.

И, мать навестив на кладбище,
Когда ухожу не спеша,
Я чувствую: сделалась чище,
Спокойней и глубже душа.

Утешится, кто безутешен,
Как сказано в древних стихах,
А кто перед мертвыми грешен,
Еще повинится в грехах.

И образ мне видится милый,
И даже в далеком краю
Я в мыслях пред отчей могилой
По левую руку стою.

Берегите друзей

Перевод Н. Гребнева

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился —
Ты ему греха не поминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.

Если верный конь, поранив ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять,
Не вини его – вини дорогу
И коня не торопись менять.

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Сколько в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло.

После было всякого немало,
И, бывало, на путях крутых
Как я каялся, как не хватало
Мне друзей потерянных моих!

И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.

Покуда вертится земля

Перевод Я. Козловского

Я солнце пил, как люди воду,
Ступая по нагорьям лет
Навстречу красному восходу,
Закату красному вослед.

В краю вершин крутых и гордых,
Где у сердец особый пыл,
Я звезды пил из речек горных,
Из родников студеньих пил.

Из голубой небесной чаши
В зеленых чащах и лугах
Я жадно воздух пил сладчайший,
Настоянный на облаках.

Я пил снежинки, где тропинки
Переплелись над крутизной.
И помню:
таяли снежинки,
В пути пригубленные мной.

Я весны пил,
когда о севе
В горах пекутся там и тут.
Где крепок градусами Север,
Я пил мороз, как водку пьют.

Когда я грозы пил, бывало,
Чья слава землям дорога,
Как будто верхний край бокала,
Сверкала радуга-дуга.

И вновь шиповник цвел колючий,
Сочился хмель из темных скал.
Я, поднимавшийся на кручи,
Хмельные запахи вдыхал.

Земной красой я упивался,
Благословлял ее удел.
Не раз влюблялся, убивался
И песни пил, как песни пел.

Людской души сложна природа, —

Я пил с друзьями заодно
В час радости – бузу из меда,
В час горя – горькое вино.

И если сердцем пил,
то не пил
Забавы ради и утех.
Я Хиросимы видел пепел,
Я фестивалей слышал смех.

И, резко дунув, как на пиво,
Чтобы пустую пену сдуть,
Пил жизни суть:
она не лжива,
Она правдива – жизни суть.

Люблю, и радуюсь, и стражду,
И день свой каждый пью до дна,
И снова ощущаю жажду,
И в том повинна жизнь одна.

Пускай покину мир однажды
Я, жажды в нем не утоля,
Но людям жаждать этой жажды,
Покуда вертится Земля.

«К дальним звездам, в небесную роздымь...»

Перевод Я. Козловского

К дальним звездам, в небесную роздымь
Улетали ракеты не раз.
Люди, люди – высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас.

У Максобского моста

Перевод Я. Козловского

Эту ночь позабудешь едва ли:
На траве, что была голубой,
Мы вблизи от аула лежали
У Максобского моста с тобой.

Кони траву щипали на склоне,
А луна серебрила холмы.
И, сведенные в пальцах, ладони
Положили под головы мы.

Вдохновенно,
как дети лишь могут
Слушать тех, кто снежком убелен,
Горной речки мы слушали клекот,
Шелест трав, колокольчиков звон.

Мир при этом безмолвье венчало,
Было все так волшебнo вокруг,
Так прекрасно и так величаво,
Что восторг охватил меня вдруг.

И, как горец, приметивший гостя,
Зажигает все лампы тотчас,
Небо полночи полною горстью
Одарило созвездьями нас.

Я на звезды не мог наглядеться,
Надышаться от счастья не мог.
Показалось,
лишь вспомнил я детство,
Будто теплый подул ветерок.

И о родине думал я снова,
И по этой причине простой,
В мыслях зла не касаясь людского,
Любовался людской красотой.

Думал я, как мы пламенно любим,
Презирая и фальшь и вранье.
До биенья последнего людям
Посвящается сердце мое.

Родной язык

«Всегда во сне нелепо все и странно...»

Перевод Н. Гребнева

Всегда во сне нелепо все и странно.
Приснилась мне сегодня смерть моя.
В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я.

Звенит река, бежит неукротимо.
Забытый и не нужный никому
Я распластался на земле родимой
Пред тем, как стать землею самому.

Я умираю, но никто про это
Не знает и не явится ко мне,
Лишь в вышине орлы клекочут где-то
И стонут лани где-то в стороне.

И чтобы плакать над моей могилой
О том, что я погиб во цвете лет,
Ни матери, ни друга нет, ни милой,
Чего уж там – и плакальщицы нет.

Так я лежал и умирал в бессилье
И вдруг услышал, как невдалеке
Два человека шли и говорили
На милом мне аварском языке.

В полдневный жар в долине Дагестана
Я умирал, а люди речь вели
О хитрости какого-то Гасана,
О выходах какого-то Али.

И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Я за него всегда душой болею.
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны Ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик.

И чтоб понять Махмуда, мой наследник
Ужели прочитает перевод?
Ужели я писатель из последних,
Кто по-аварски пишет и поет?

Я жизнь люблю, люблю я всю планету,
В ней каждый, даже малый, уголок,
А более всего Страну Советов,
О ней я по-аварски пел, как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный,
От Балтики до Сахалина – весь.
Я за него погибну где угодно,
Но пусть меня зароят в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула —
Преемника Гамзата из Цада.

«Ловчий голову клонит понуро...»

Перевод Я. Козловского

Ловчий голову клонит понуро,
Грусть охотничью как не понять,
Если сам златорогого тура
До сих пор не сумел я поймать.

Человеческих чувств не сокроешь,
И себя все надеждою лыщу,
Что однажды заветных сокровищ
Я волшебный сундук отыщу.

Там, где тропы кружить не устали,
Все пытаюсь найти я родник,
Чтобы сердцем к нему, как устами,
Вы припали хотя бы на миг.

И ложатся слова на бумагу,
Я над ней, как над люлькой, дышу.
Сладкой каторге давший присягу,
Снова мучаюсь, снова пишу.

Горцам, переселяющимся с гор

Перевод Н. Гребнева

Горцы, вы с новой свыкаясь судьбою,
Переходя на равнинный простор,
Горство свое захватите с собою,
Мужество, дружество, запахи гор.

Перед дорогою, на перепутье,
Перебирая нехитрый свой груз,
Говор ущелий в горах не забудьте,
Горскую песню, двухструнный кумуз!

Не оставляйте своих колыбелей,
Старых, в которых баюкали вас,
Седел тугих, на которых сидели
Ваши отцы, объезжая Кавказ.

Земли щедрее на низменном месте,
Больше там света, тепла и красот...
Чистой вершины отваги и чести
Не покидайте, спускаясь с высот.

Вы, уходящие в край, напоенный
Солнечным светом, водой голубой,
Бедность забудьте на каменных склонах.
Честность ее заберите с собой!

Вы, оставляя родные нагорья,
Не переймите изменчивость рек.
Реки бегут и теряются в море, —
Сущность свою сохраните навек!

Горцы, покинув родные жилища,
Горскую честь захватите с собой —
Или навечно останетесь нищи,
Даже одаренные судьбой.

Горцы, в каких бы лучах вы ни грелись,
Горскую стать сохранить вы должны,
Как сохраняют особую прелесть
Лани, что в горном краю рождены.

Горцы, кувшины возьмите с собою —
Вы издалека в них воду несли,
С отчих могил захватите с собою

Камня осколок, щепотку земли!

Горцы, внизу вам судьба улыбнется.
Встретит вас слава на новом пути.
Горцы, храните достоинство горцев,
Чтобы и славу достойно нести!

«Говорят, что посмертно...»

Перевод Я. Козловского

Говорят, что посмертно
Тела наши станут землею.
Я поверить готов
В немудреную эту молву.
Пусть я стану частицей
Земли, отвоеванной с бою,
Той земли, на которой
Сейчас я всем сердцем живу.

«Моей земли не умирают люди...»

Перевод Я. Козловского

Моей земли не умирают люди,
Пусть даже бой, —
Я наш закон пою:
Родится мальчик, и носить он будет
Живое имя павшего в бою.

А если дом испепелен пожаром,
Мы строим новый.
Заходи к нам, друг!
Так дуб столетний не бывает старым —
Шумит ветвями поросль вокруг.

«Когда мы шли в далекие края...»

Перевод Н. Гребнева

Когда мы шли в далекие края,
«Куда?» – не задавал вопросов я.
Я спрашивал: «Когда назад вернемся?» —
Там оставалась родина моя.

Кровь и слезы

Перевод Н. Гребнева

Из раны кровь стекает струйкой длинной,
По ни слезинки...
Есть у нас закон:
Дороже крови
слезы для мужчины.
А иначе —
какой мужчина он?

«Все́му я на свете...»

Перевод Н. Гребнева

Все́му я на свете
Люблю свою меру:
И утру, и полдню,
И сумеркам серым,
И снам, и покою,
И песням старинным,
И даже траве
В наших горных долинах.

Но только в одном
Не хочу я предела:
В бурлящем кипенье любимого дела.
Хочу я прожить плодотворно и много
Не ради того, чтоб бродить по дорогам
И греться под солнцем родимого края,
И даже не ради тебя,
Дорогая.

И где б я ни жил,
Моя песня стремится
К родимым аулам,
К любимой столице...
Как в песне без жизни – ни слов, ни мотива,
Так в жизни нет жизни без песни правдивой.

У Цумадинской реки

Перевод Я. Козловского

Окутались сумраком дали,
Бегут по реке огоньки.
Мы тихо коней расседлали
И сели на берег реки.

А ночь приближалась все ближе,
Таинственных звуков полна.
Сады и аульские крыши
Во тьму погрузила она.

Звезда за звездой летела...
Заснуть бы, да только невмочь.
Вдруг девушка рядом запела,
И песни наполнили ночь.

О, как они нежно звучали,
От первой строки до конца!
О, сколько в них было печали,
О, как в них любили сердца!

И молча у горной речушки
Старик, поседевший давно,
Нам лил в деревянные кружки
Полночного цвета вино.

А в песни врывались свирели,
Черешня цвела у окна.
От песни мы все захмелели,
А в кружки смотрелась луна.

И снились мне черные косы.
И видел я, будто во сне,
Как горец, минуя утесы,
К любимой летит на коне.

А девушка пела про выюгу,
Про то, как два красных цветка
Тянулись в долине друг к другу,
Но их разделяла река.

Про то, как два сердца когда-то
Тянулись друг к другу с весны,
Да были по воле адата

Печальной судьбой сражены.

Глотали мы каждое слово,
На девушку глядя сквозь тьму.
И счастья, казалось, иного
Не нужно из нас никому.

А девушка пела и пела...
И я не заметил среди гор,
Как утро рукой своей белой
Зажгло на востоке костер.

И мы любовались собою
И чем-то гордились,
когда
На конях знакомой тропею
Въезжали в аул Цумада...

И больно порой мне, ей-богу,
Когда я встречаю людей,
Что выше подняться не могут
Своих обмелевших страстей.

Но если я вспомню при этом
Ту ночь, что забыть мне нельзя,
Душа озарится рассветом
И боль утихает моя.

И город становится шире,
И вижу друзей я кругом...
Как много хорошего в мире,
Как много красивого в нем!

«Мой старший брат, солдат, а не наиб...»

Перевод Я. Козловского

Мой старший брат,
солдат, а не наиб,
В лихом бою над Волгою погиб.
Старуха мать в печали и тоске
Поныне ходит в траурном платке.

И больно мне и горько оттого,
Что стал я старше брата своего.

«Свои стихи читать мне странно...»

Перевод В. Коркина

Свои стихи читать мне странно...
Какой я, черт возьми, поэт,
Когда в моей душе Корана
Не просиял нетленный свет?

Но если будущий историк,
Листая томик мой в тиши,
Отыщет все ж среди риторик
Живое слово – стон души,

И удивится в ту минуту,
Готов раскрыть ему секрет:
Аллах дарил нам почему-то,
Невеждам, свой волшебный свет.

Хоть мы и верили, как дети,
Своею «правдою» кичась,
Что нет тебя, Аллах, на свете,
Ты снисходил к нам в страшный час.

И мы, не ведая, что с нами,
Вдруг обретали, пусть на миг,
Родство живое с небесами
И сквозь личину – божий лик.

Пред вами, древние поэты,
Склоняюсь я, ничтожный прах:
Вы знали мудрости заветы —
Вам диктовал с небес Аллах.

«Мстить прошлому, – круша надгробья?...»

Перевод В. Коркина

Мстить прошлому, – круша надгробья?
Отвага эта не по мне.
На жизнь гляжу не исподлобья,
Я верю завтрашней весне.

Но как из сердца выжечь ярость,
Как выгнать призраки из снов?..
Любить хочу!
Какая малость
Осталась счастья, нежных слов.

«Я жив...»

Перевод В. Коркина

Я жив.
Зачем я уцелел,
Когда, казалось, невозможно?
Я песню лучшую не спел,
Хоть много пел неосторожно.

Я жив.
Какая в том нужда?
Лишь громоздил ошибок гору...
Любви вечерняя звезда,
Прощальному откройся взору.

Мое пожелание

Перевод Н. Гребнева

Город наш присыпает порошей,
Новый год наступает опять...
Я желаю всем людям хорошим
То, что может лишь друг пожелать.

Я хочу, чтобы звонкий, счастливый,
Всюду слышался смех детворы,
Чтобы девушки были красивы,
Чтобы юноши были мудры.
Я желаю вам друга такого,
Чтоб в тяжелый, нерадостный час
Произнес настоящее слово,
Что спасительным будет для вас.

Невозможно прожить без печали,
Но хочу я, друзья, пожелать,
Чтобы в радости вы забывали,
Что недавно пришлось горевать.
Чтобы люди с улыбкой встречались,
А прощались грустны и тихи,
Чтобы дети без боли рождались,
Чтобы с болью рождались стихи.

Если девушка нынешним летом
Обижала тебя, не любя,
Пусть она пожалеет об этом,
Потому что полюбит тебя.
Я хочу пожелать Дагестану
Много новых поэтов больших.
Ничего, что неслышен я стану
Заглушаемый голосом их.

А тебе, женолюб многогрешный,
Я желаю признанья вины,
Чтоб просил целый год безуспешно
Ты прощенья у первой жены.
А с тобою что делать, не знаю,
Говорун, ты меня извини:
Я желаю, чтоб немочь зубная
Нас спасла от твоей болтовни.

Я желаю еще, как ни странно,
Чтобы гости стучались к тому,

Кто, забыв про закон Дагестана,
Скуповат и не рад никому.
Я хочу, чтобы песни звучали,
Чтоб вином наполнялся бокал,
Чтоб друг другу вы все пожелали
То, что я вам сейчас пожелал.

Стихи о времени

Перевод Н. Гребнева

1.

Летит по бездорожью, по дороге,
Минуя рубежи веков и стран,
Скакун неукротимый, быстроногий,
И нет на нем узды и нет стремян.

Ему, как дорогому гостю: «Здравствуй», —
Мы говорим с улыбкой на губах,
Себя вопросом мучая не часто:
«Он или мы, кто у кого в гостях?»

Летит скакун, под ним земля трясется,
Вокруг роняет пену конь шальной.
И белый след от пены остается —
Его мы называем сединой.

Летит пустыней он, дорогой людной,
Он сбрасывает всадника и кладь.
Он скачет прочь — за ним угнаться трудно,
Навстречу скачет — не легко поймать.

Мой друг, нельзя нам жить неторопливо,
Свободных дней у нас в запасе нет...
Летит скакун! Схвати его за гриву,
Вскочи ему, упряму, на хребет.

2.

Годы детства мои,
как я вас не ценил;
Я мечтал, чтоб вы были короче.
Годы детства мои,
как я вас торопил;
Я спешил, вы спешили не очень.

Время, взяв меня за руку, в юность ввело.
И тогда лишь, начав торопиться,
Закрутило, пошло. И теперь, как назло,

Надо мной пролетает, как птица.

Сколько прожито мной?
Тридцать дней? Тридцать лет?
Или тридцать часов? Я не знаю.
Время, стой! Для чего ты торопишь рассвет
И свидания час обрываешь?

До чего ж твой характер на мой не похож!
«Не спеши!» – заклинаю тебя я.
Я когда-то тебя не ценил ни на грош,
Дни свои, как полушки, швыряя.

Ты спешишь. На деревьях желтеет листва,
Хлещут ливни, мутнеют потоки.
И неделю смололи твои жернова:
Я неделю писал эти строки.

Слушай, чертова мельница, короток путь,
Что дано совершить человеку,
Поломать тебя, ось твою, что ли, погнуть,
Перекрыть бесноватую реку?

Не прощая беспцельно прожитого дня,
Ось вращается, время несется, звеня,
С каждым днем все быстрее, быстрее...
Ход часов мы мечтаем замедлить, старея,
Дети время торопят, его не ценя.

3.

Сначала время благосклонно к нам
И вместе с молодостью в изобилье
Рукам дарует силу, свет – глазам,
Уму дает мечту и сердцу – крылья.

Оно нам зажигает свет зари,
В весеннем небе зажигает звезды
И каждому из нас твердит:
«Твори!
Дерзай, лети, ты для полета создан!»

И мы творим, летим, но время вдруг
То, что дало, казалось, безвозвратно,
Как скаредный и вероломный друг,
Все начинает брать у нас обратно.

Все отнимает время, как назло,
Все, чем горды мы были, – силу, память.
Берет у нас кинжал, берет седло
И гасит звездный свет перед глазами.

И мы детьми становимся опять,
Лишенные всего того, что было,
И ничего не можем удержать
Мы пальцами, теряющими силу.

Любимая, поток бегущих дней
Все заберет, и спорить с ним напрасно.
Ему не тронуть лишь любви моей:
Ни сам я, ни года над ней не властны.

4.

Сегодня поздно я пришел домой,
Все отдыхает, все давно умолкло:
И лампочка, и стол рабочий мой,
И мудрые тома на книжных полках.

Лишь в тишине, пронизывая мрак,
Пulsирует чуть слышное «тик-так».
«Тик-так, тик-так» – мелодия проста,
По жизни с ней уносится частица.
«Тик-так» – и перевернута страница
Той книги, что не очень уж толста.

Не спит, не спит суровый счетовод,
Пусть даже сон давно царит над всеми.
«Тик-так, тик-так» – неспешен этот ход!
«Тик-так» – как быстро пролетает время!

Часы идут,
и тикают, и бьют...
Что сделал ты, прислушиваясь к бою?
Или пришлось вести им счет минут,
Бессмысленно растрченных тобою?!

«Все, что в нас хорошего бывает...»

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

Все, что в нас хорошего бывает,
Молодостью люди называют.
Пыл души, непримиримость в спорах,
Говорят, пройдут, и очень скоро.
Говорят, когда я старше буду,
Я горячность юности забуду,
От тревог и от дорог устану,
Говорят, я равнодушным стану.
Сделаюсь спокойным и солидным,
Безразличным к славе и к обидам,
Буду звать гостей на чашку чая,
От друзей врагов не отличая...
Если правда может так случиться —
Лучше мне сегодня ж оступиться,
Лучше мне такого не дожидаться —
Нынче ж в пропасть со скалы сорваться!

Раздумье

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

С сухих ветвей, охваченных огнем,
Как искры, листья рвет осенний холод,
И календарь худеет с каждым днем,
Как человек, узнавший долгий голод.

Я толпы гор оставил позади,
Я видел травы севера и юга,
Печаль и радость нес в своей груди,
Знал ненависть врага и нежность друга,

А вот вопроса все не разрешу:
Какую плоть я прячу под рубахой?
Какую душу я в себе ношу
И голову какую под папайой?..

Как мне найти единственный ответ:
Кто я такой?
Зачем пришел на свет?
Земля моя, любимая навек,
Ответь мне ты:
Какой я человек?
Не тень ли я, ползущая ползком,
Не след ли, заметаемый песком?
Не лист ли я, летящий в сентябре?
Не камень ли замшелый во дворе?
Не дождь ли я, заладивший с утра,
Тогда, когда нужна была жара?
Иль долгий зной в немыслимую сушь,
Когда желтеют в жажде ветки груш?
Я – ранний снег иль поздняя весна,
Бесплодных скал пустая крутизна
Иль бесполезный, пустозвонный ветер?..
А вдруг я – не отрада, не беда,
И от меня ни пользы, ни вреда?
А вдруг я вовсе зря живу на свете?..

Расулом
Мой отец меня нарек,
Что по-арабски представитель значит...
Чей представитель я?..
С каких дорог
И для чего мой путь по свету начат?

Давным-давно средь горной тишины
Худой мальчишка рос под этой кожей.
Запруды строил, закатав штаны,
И криком эхо гулкое тревожил,
На улицах Цада пугал собак,
Ловил в пшенице жаворонков малых,
Курил сухое сено, как табак,
И голубей гонял в пустынных скалах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.